

Взгляд юноши был прямолинейным и нескрываемым, заметить его труда не составляло.

Бай Су проследила за его взглядом, опустила голову и тут же опустила рукав обратно, с улыбкой поддразнив:

— Испугался? Ничего страшного, прикрою — и не будет видно. Когда я сама впервые увидела, тоже подумала, что жутковато.

Говорила она совершенно привычным тоном, всем видом показывая, что ничуть не переживает.

Если подумать, это был уже не первый раз после того, как Дуань Чанчуань узнал часть правды, когда его одолевали сомнения. Прошло совсем немного времени с тех пор, как её принудительно выдали замуж и сделали императрицей. Бай Су... неужели она действительно уже смирилась со всем или просто спрятала любые эмоции глубоко внутри?

Ему ужасно хотелось сказать ей пару утешительных слов.

Но он тут же счёл это крайне неуместным.

Быть «первопричиной», создавшей всю эту ситуацию — неуместно. Выражать внешнее утешение, сохраняя при этом холодную эмоциональную пропасть — тоже неуместно.

Поэтому, долго подбирая слова, он смог выдавить из себя лишь:

— ...Я вовсе не считаю это страшным.

На что собеседница ответила ему:

— Ладно-ладно, на самом деле это наложница считает это страшным.

— Раб совсем не был обижен...

Дуань Чанчуань: ...

Чем меньше удавалось её раскусить, тем сильнее хотелось...

Раньше, будь это в другое время, даже пытаясь выведать всё самыми изощренными способами, он бы ни за что не выдал и половины своих истинных возможностей человеку, чью преданность или враждебность еще не понял.

Говорила она и при этом украдкой бросала на него взгляды.

Поддавшись какому-то необъяснимому порыву, он достал из потайного ящичка под столом то самое письмо, которое ему ранее передал Юнь Се.

Только это письмо ему хотелось перечитывать снова и снова, не обращая внимания ни на что.

[На самом деле она ведь никогда не относилась ко мне всерьез, да?..]

[Что за человек этот Линь Цин? Неужели он надежнее меня, может, он старше... и подходит ей гораздо больше?]

Маленький евнух в одеждах с пестрым узором из цветов и питонов немедленно вошел в комнату, почтительно согнувшись в поклоне, и со скрипом затворил дверь. Едва приблизившись к Дуань Чанчуаню, он тут же принялся утирать слезы.

Дуань Чанчуань уже давно не испытывал ничего подобного: в груди тяжело давило, было невыносимо тоскливо.

Потому что он совершенно не мог её понять.

— Я всё понял. Накажи его уборкой во Дворце Цинлу, принадлежащем императрице. Ровно через месяц Императрица переедет туда, пусть проследит за порядком как следует — если сделает работу спустя рукава, в Дворец Миншэн может не возвращаться.

Дуань Чанчуань с абсолютно невозмутимым видом заложил письмо обратно между страницами книги и произнес:

— Войди.

[Неужели я веду себя перед ней слишком по-детски, поэтому она и воспринимает меня лишь как малявку?]

— Ваше Величество...

Дуань Чанчуань приподнял веки:

— Что такое? Опять Чжан Дехай обидел?

Хоть на словах и утверждал, что его никто не обижал, каждая фраза звучала как жалоба.

— Раб не в обиде. Главный евнух Чжан — человек, оставленный Прошлым императором для Вашего Величества. Куда уж мне, простому мальчишке, таить на него обиду...

Только вот этот человек...

Утешал его словно какого-то сопляка.

По заведенному порядку, император после женитьбы на новой императрице должен был делить с ней ложе целый месяц. Это делалось для укрепления положения императрицы, а также для того, чтобы они сблизились и скорее произвели на свет наследника, способного укрепить великие драконьи вены государства.

Спустя месяц Бай Су вернется жить в свой Дворец Цинлу.

Он ожидал, что Бай Су хоть капельку на это отреагирует, но маленький евнух уже получил приказ и удалился, а сидевшая рядом женщина по-прежнему с сосредоточенным видом крутила в руках девять колец.

Металлический звон раздавался мерно, тихо и неторопливо.

Точь-в-точь как она сама: спокойная и отрешенная.

Заметив его взгляд, женщина неожиданно повернула голову и спросила:

— Что такое? Всё еще боишься?

После чего легко-легко ущипнула его за щеку:

— Скоро всё пройдет, не переживай.

Её пальцы были не сказать чтобы нежными — пожалуй, из-за того, что с детства о ней некому было заботиться, они казались чуть грубоватыми. Стоило ей лишь слегка коснуться кожи, как это ощущение надолго запечатлелось на лице, словно не желая исчезать.

Юноша замер и торопливо опустил голову.

Тихонько возразив:

— Кто это о тебе переживает...

-

Письмо со сведениями разведки о клане Бай Дуань Чанчуань открыл только ближе к вечеру.

Дождавшись, пока Бай Су уйдет к горячим источникам и не вернется в ближайшее время, он снова достал его из потайного ящика.

Развернув бумагу, он увидел плотно исписанные ряды иероглифов:

[Бай Су, старшая дочь семьи Бай. Ее мать, урожденная Сюэ, была главой четырех великих купеческих семей Цзяннаня; она скончалась через три года после замужества, оставив двухлетнюю дочь и старую служанку. На следующий год старая служанка умерла, и на свет появилась законная дочь премьер-министра по имени Цзиньчжи.]

Взгляд Дуань Чанчуаня задержался на строчке «двухлетняя дочь», и он медленно моргнул.

Когда ему было шесть лет, его императорский отец скончался, и даже занимая высшую ступень в этой императорской столице, он чувствовал, что каждый шаг дается ему с трудом... Бай Су же потеряла мать в два года, а на следующий год лишилась единственной служанки, на которую могла положиться...

В тот год Бай Су исполнилось всего три года.

Как же трехлетней падчерице удавалось выживать в этом пожирающем людей логове — резиденции премьер-министра?..

Остальной текст на листе бумаги дал ему ответ:

[Старшая дочь обитала во флигеле на юго-востоке резиденции премьер-министра, слуги третировали ее, она часто болела. В десять лет тяжело заболела и едва не рассталась с жизнью, чудом выжив благодаря помощи пожилой служанки.]

[В четырёхлетнем возрасте, переболев тяжелой простудой, тайком убежала из поместья в поисках лекарств и встретила молодого господина Линь Цин, который спас ее. С тех пор в течение семи лет они часто тайно виделись, и он пообещал: «Когда сдам столичные экзамены на высшую степень, испрошу у императора дозволения взять тебя в жены».]

[Месяц назад вошла во дворец вместо сестры, перерезала оба запястья в попытке покончить с собой, но лекари ее выходили. После этого еще несколько раз безуспешно пыталась свести счеты с жизнью.]

[Три дня назад в резиденции премьер-министра подсыпали дурманящее зелье, после чего доставили во дворец.]

Около сотни иероглифов, один лист бумаги — и двадцать лет жизни между смертью и рождением.

Такова была первая половина жизни Бай Су до того, как она встретила его самого.

Юноша, сидевший за рабочим столом, оцепенело просидел так довольно долго, после чего медленно поднес письмо к язычку свечи и сжег его.

Однако эти строчки словно выжгло в его памяти — они снова и снова всплывали в сознании.

— Счастливого здравия Государыне Императрице.

За дверью раздался голос Чанлэ, возвещавшего о прибытии.

Дуань Чанчуань торопливо убрал всё на место, справился с эмоциями и вернулся на свое место.

В воздухе все еще витал легкий запах тлеющего угля.

Заметив, что гостя не стала заходить в кабинет, а направилась прямо в спальню отдыхать.

То ли он слишком перенапрягся, внюхиваясь в благовония, что носила Бай Су, то ли ему мерещилось... но с тех пор, как она переступила порог, в воздухе то и дело отчетливо витал этот свежий аромат.

Дуань Чанчуань поспешно покачал головой и снова открыл «Рассуждения об управлении государством», чтобы отвлечься.

И все же, чем сильнее пытаешься отбросить что-то, тем сложнее на этом не концентрироваться.

Этот приятный цветочно-травяной запах то появлялся, то исчезал: стоило ему лишь погрузиться в чтение, как он тут же вырывал его из книги, а стоило приняться — и вокруг уже не было ни единого запаха.

Просто какое-то наваждение.

Юноша с громким хлопком швырнул книгу на стол и тяжело выдохнул.

— Ваше Величество?

Услышав шум, Чанлэ приподнял полы одежды и поспешил войти.

Юноша прикусил губу и таинственным манящим жестом поманил его к себе.

Маленький евнух тут же послушно наклонил ухо.

Дуань Чанчуань:

— Не знаешь ли ты, какими благовониями ежедневно пользуется Государыня Императрица?

Чанлэ замер на месте:

— ...Благовониями?

Дуань Чанчуань:

— Ну, теми, что она обычно использует в повседневной жизни. Кажется, от них пахнут пионами — с тех пор, как она появилась здесь, во всем дворце стоит этот аромат.

Чанлэ растерялся еще сильнее:

— Ваше Величество, раб чувствовал от матушки-императрицы лишь аромат мыльных бобов... Во дворце отродясь не было никаких пионов, ведь до второго лунного месяца еще далеко, пионы зацветут лишь через несколько месяцев.

Он: ???

Махнув рукавом, он приказал:

— Позови сюда И Маня.

#Не верю, тут точно что-то не так с тобой!#

Вскоре подоспел и И Мань.

Мальчик был еще мал, работал прилежно: услышав вопрос, он сперва опешил, затем принялся усердно приноживаться и, задрожав всем телом, рухнул на колени:

— Отвечая Вашему Величеству... у раба, должно быть, что-то с носом, я совсем ничего не чувствую...

На редкость невозмутимый даже перед лицом рушащихся гор юный Сын Неба скривился так, будто его только что поразило молнией.

Даже когда он выгнал Чанлэ и И Маня, до него всё еще доносились их голоса из-за двери:

— Наставник, я правда ничего не чувствовал... Неужели у твоего ученика и впрямь что-то с носом?..

— Тсс... Сколько раз тебе повторял: следи за языком, следи за языком!

— Ой, ой.

Дуань Чанчуань: ...

-

Весь остаток ночи Дуань Чанчуань спал тревожно.

Наверное, из-за навязчивых мыслей о пионах ему приснилось, будто он попал на огромное пионовое поле — эти цветы цвели повсюду, до самого горизонта.

Он лежал на траве, отдыхая, как вдруг подул ветерок, и пионы по обеим сторонам дорожки превратились в людей, которые сказали:

— Наша богиня желает увидеть тебя.

Даже во сне он держался весьма дерзко и, приняв императорский вид, изрек:

— Ох, ну так пусть она подойдет сама.

А следом из-под земли вырос гигантский пион и, подхватив его целиком, стал поднимать всё выше и выше, всё выше и выше.

— Ваша богиня обитает на небесах? — спросил он.

Под ним раздался тихий, сдавленный смешок.

В следующий миг пионовый цветок, нсший его, тоже превратился в человека. И этого человека он прекрасно знал — кто же это был, если не Бай Су?

Он же сам обвивал руками шею женщины, а та держала его на руках, как невесту.

Сперва он испытал растерянность: ...???

А затем охвативший его ужас: !!!

Дуань Чанчуань проснулся в холодном поту...

Почему его держали на руках? Почему именно как невесту? Почему его руки так естественно обвивали чужую шею?!

Просто бред какой-то!

<http://bllate.org/book/21020/2136743>